

УДК 904

Хлевов Александр Алексеевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения, проф. кафедры культурологии и религиоведения Таврической академии КФУ имени И.В. Вернадского

e-mail: hlevov@mail.ru

АНГЛО-САКСОНСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ОСТРОВНОГО ЕВАНГЕЛИЯ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Аннотация: в процессе возникновения средневековой цивилизации синтез культур имел отчётливо выраженные региональные различия. Статья посвящена культурной атрибуции рунической надписи из англо-саксонского Островного Евангелия VIII в. Высказывается мнение о пограничном языческо-христианском характере надписи и о возможном предназначении одного из её знаков.

Ключевые слова: руны, англосаксонский футорк, Островное Евангелие, биндеруна, мультикультурализм.

Khlevov A. A., Ph.D., prof. Department of Records Management and Archival,
TA CFU

e-mail: hlevov@mail.ru

ANGLO-SAXON RUNIC INSCRIPTION FROM THE ISLAND GOSPEL AND EARLY MEDIEVAL MULTICULTURALISM

During the the emergence of medieval civilization cultural synthesis had clearly pronounced regional differences. The article is devoted to the cultural attribution of runic inscriptions from the Anglo-Saxon in the Island Gospel VIII c. It

has been suggested boundary pagan-Christian character of the inscriptions and the possible destination of one of its characters.

Keywords: runes, the Anglo-Saxon Futhork, Insular Gospel, binderuna, multiculturalism.

Процессы политогенеза в раннесредневековой Европе отличались изрядной диверсификацией – при наличии безусловного типологического сходства и явно выраженного «мейнстрима». Главным фактором, определявшим их ход в рамках каждого исторического региона, был баланс плотности римской (или византийской) и германской (или славянской) традиции. В итоге культурный облик всех раннесредневековых государств определялся именно местным симбиозом этих двух начал.

В этом отношении англо-саксонская Британия заняла во многом уникальную позицию. До насильственного вовлечения её в 1066 в поток европейской феодальной (на тот момент, собственно, в основном норманнской) традиции историческая Англия демонстрирует вполне эталонные образчики симбиоза различных культур. И не будет преувеличением сказать, что степень противоречивости сочетавшихся традиций может быть сопоставлена лишь с противоречивостью синхронной ирландской культуры, оставляя далеко позади и континентальную, и скандинавскую культуры.

Одним из наиболее ярких, на наш взгляд, примеров подобной кросскультурной гибридизации выступает руническая надпись, сделанная на странице так называемого Островного Евангелия из коллекции П. П. Дубровского, хранящегося в собрании РНБ в Санкт-Петербурге. Она была опубликована и подвергнута анализу в 1998-1999 гг. автором настоящей статьи и В. Г. Безрозовым (Хлезов 1998; Хлезов 1999; Хлезов, Безрогов 1999а; Хлезов, Безрогов 1999б); в 2001 г. РНБ издала компакт-диск «Островное Евангелие», также содержащий небольшую статью, посвящённую этому памятнику палеографии (Островное Евангелие 2001). Одновременно весьма детальный анализ данной надписи – равно и её культурного контекста – был

представлен в фундаментальном труде Е. А. Мельниковой (Мельникова 2001, С. 99-101). Насколько нам известно, других серьёзных исследований надписи не осуществлялось, хотя объект и представляется крайне привлекательным именно с точки зрения понимания культурного облика и менталитета раннесредневекового человека, восприятия им, в частности, отдельных письменных традиций и сочетаний таковых.

В занятой англами, саксами и ютами южной части острова Британия к VIII в. (а именно его концом датируется рукопись) сосуществовали прочно укоренившаяся здесь за семь столетий латынь и вновь возникший письменный древнеанглийский язык, зафиксированный, к тому же, в форме нескольких диалектов. Однако стоит добавить к этому, что на британской почве обрело фактически новое дыхание общегерманское руническое письмо. Его феномен, в отечественной академической литературе почти не осмысленный, вполне сопоставим с феноменом скандинавской рунической письменности. Достаточно напомнить, что англо-саксы дополнили старший футарк едва ли не десятком новых символов (максимальный по числу знаков «футорк» представлен 33 рунами), стремясь приспособить его к весьма сложной фонетике древнеанглийского языка, и, в итоге, оставили достаточно большой фонд аутентичных надписей – более 200.

К их числу относится и образец из РНБ. Однострочная руническая надпись располагается на 213-м листе Четвероевангелия, в пространстве между двумя столбцами текста, несколько выше середины листа. Руны оставлены на поверхности пергамента заострённым предметом (шилом или не слишком острым ножом), достаточно глубоко погружавшимся в материал – не менее, чем на половину толщины листа.

Надпись состоит из восьми рунических знаков, обрамлённых с боков, сверху и снизу четырьмя крестами. Общая длина – 28 мм, общая высота – 20 мм, длина собственно рунического текста в строке – 22 мм, высота отдельных рун – 7-8 мм. Ясно заметно, что некоторые линии проводились в два и даже в три приёма. Так, левая вертикальная черта первой руны составлена из трёх

линий; вертикальная черта второй руны состоит из двух штрихов. Очевидно, автор, приступая к работе, не вполне точно представлял, руны какой высоты он в итоге изобразит, что и оставило след в начертании первых двух знаков – после второй руны подобные «скорректированные» линии уже не встречаются.

Скорее всего, кресты были начертаны за один приём с самой надписью, но всё же позже основного текста. На это достаточно определённо указывает вид первого (левого) креста, горизонтальная черта которого ощутимо смещена вправо. Между первой руной и основным текстом кодекса оставалось слишком мало места, и резчик вписал в него вертикальную линию. Симметричная горизонтальная перекладина неизбежно пререзала бы последнюю букву основного текста, что было по тем или иным соображениям неприемлемо, и автор надписи симметрию нарушил.

Надпись выполнена именно англо-саксонскими рунами, о чём свидетельствует употребление 1-й, 3-й и особенно 7-й рун; последняя особенно явно указывает на принадлежность надписи к кругу англо-саксонских древностей, ибо она нехарактерна для скандинавского или общегерманского футарка и, напротив, общеупотребительна в островных надписях.

Все знаки, кроме 4-го, читаются без каких-либо проблем. Интерес вызывают руны 3 и 7. В первом случае перед нами лигатура («биндеруна») *el*, достаточно, впрочем, типичная для рунической эпиграфики. Что касается 7-го знака, то в различных памятниках его начертание вариативно. Известны подтипы с небольшой вертикальной чертой внутри руны (классический тип по Е. Мольтке), или – как в нашем случае – с перекрещенными линиями. Всего же известно не менее пяти вариантов начертания этой руны, передающей древнеанглийский звук «у» (Moltke 1985, Р. 14-28). Сходный с нашим тип начертания этой руны фигурирует, в частности, в футарке, выложенном на лезвии скрамасакса из Темзы («*сакса Беагнота*»).

Первые знаки убедительно читаются как «*edēl*», достаточно частая составная целого ряда личных имён англо-саксонского мира. 5-7-й столь же убедительно читаются как «*ryþ*». Центральная 4-я руна, насколько можно

судить, пока не имеет аналогий в источниковом фонде, но, взятая в контексте, она идентифицируется нами как руна «thorn» (*þ*), ибо только в этом случае вторая часть надписи – «*þryþ*» – обретает смысловое значение и сообщает таковое всему слову: «*ēðelþryþ*».

Исходя из всего вышеизложенного, надпись целиком должна быть прочитана нами как «*Æðelþryþ*» – древнеанглийское собственное (предположительно женское) имя, достаточно типичное для эпохи, к которой относится кодекс. Заманчивое желание связать надпись с известным королём рубежа VI-VII вв. Этельфритом разбивается о достаточно продолжительную цезуру в два столетия между ним и нижней хронологической границей возможного возникновения надписи.

Соображения по поводу осевой симметрии надписи, сакрального количества её знаков и «евангельского» числа обрамляющих крестов были высказаны автором ранее и в целом благосклонно восприняты оппонентами. Наибольший интерес вызывала и вызывает, однако, центральная руна. В ней ясно различаются черты «зеркальной» руны «thorn» (*þ*), рун, обозначающих звуки *ð*, *e*, *l*, а также перекрещенные линии, напоминающие ключевой и идентификационный признак англо-саксонской версии руны «*yr*», обозначающей звук «*y*». Отметим, что все упомянутые руны входят в состав рассматриваемого слова.

В развернувшейся заочной дискуссии по поводу центрального знака надписи Е. А. Мельниковой была поставлена под сомнение возможность толкования его в качестве своеобразного личного знака или знака-заместителя имени – в первую очередь в силу неизвестности подобных личных меток-монограмм в англо-саксонской традиции той эпохи. Взамен было предложено толкование его как двойного аллографа руны «*d*» (Мельникова 2001, С. 101). Вместе с тем, автор по-прежнему склонен усматривать в упомянутом знаке нечто большее. Приводимые аналогии представлены в надписях, весьма удалённых от нашего памятника территориально (и в большинстве своём – хронологически), аналогов в англо-саксонском корпусе нет. С другой стороны,

элементы знака могут прочитываться и как символы футорка, например, «*st*» (32-й знак, Cotton Domitian, ix). Но подобное допущение делает надпись нечитаемой.

Именно поэтому автор рискует настаивать на возможности трактовки центрального знака не как пусть и сложной, но всё же просто биндеруны-лигатуры, а именно как монограммы имени, плода творческого акта автора надписи, находящегося на перекрёстке культурных традиций. Допустимо предположить, что этот знак мог употребляться не только в составе надписей, но и самостоятельно, в том числе именно как знак владельца, в качестве своего рода вензеля, тамги или пра-герба. Такое предположение кажется более вероятным, чем то, что он был изобретён одномоментно, по случаю нанесения конкретной надписи на страницу манускрипта.

Однако, безусловно, самой существенной и интригующей загадкой остаётся комплекс обстоятельств, приведших к появлению этой надписи на странице Четвероевангелия. В условиях очевидной мультикультурности – а, вернее, сохранения слоёв разных культур в относительно неприкосновенном состоянии в рамках единого общества – само сосуществование фактически трёх знаковых систем (латыни, письменного древнеанглийского языка и рунической письменности), безусловно, порождало многовариантные формы их взаимодействия. Почти не вызывает сомнения, что автор надписи имел непосредственное отношение к отправлению церковных обязанностей и был весьма «книжным» человеком. Что не мешало не только его знакомству с рунической эпиграфикой, но и достаточно виртуозному владению таковой. Изобретение нового, вполне уникального, рунического знака в полном соответствии с канонами рунического искусства – задача, безусловно, сравнимая с созданием нового герба профессиональным герольдом в эпоху Высокого Средневековья.

С другой стороны, руническая письменность в раннесредневековой Европе почти неизбежно вызывала языческие аллюзии – вне зависимости от контекста своего применения и содержания надписей. Поэтому появление

рунического текста в священной книге выглядит актом достаточно неординарным, требующим, быть может, пересмотра наших устоявшихся представлений о взаимодействии христианской и языческой культур. Английская культура (до запретов короля Кнута в XI в.) была достаточно толерантна – в раннесредневековом понимании этого термина, конечно – однако, как представляется, не достигала в этом смысле уровня кельтской культуры той же эпохи, допускавшей беспрецедентно широкую адопцию языческого наследия. И тут возможны два толкования. Либо наши представления об этой части англо-саксонской традиции нуждаются в пересмотре, либо мы имеем дело со своего рода образчиком контролируемого вольнодумства. Контролируемого – поскольку автор надписи вполне осознанно окружил её четырьмя (а не двумя, как случилось) латинскими крестами, как бы «изолировав» от остального, «христианского», текста.

Если же принять во внимание возможную принадлежность имени женщине – и вовсе не обязательно христианской святой – то вся история с появлением надписи приобретает потенциальный романтизм, вполне достойный пера Дюма или Эко.

Список литературы:

1. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. – М., 2001.
2. Островное Евангелие. Из собрания Российской Национальной Библиотеки, Санкт-Петербург. Электронная копия рукописи LAT. F.v.I. – СПб., 2001.
3. Хлевов А. А. Англо-саксонская руническая надпись из собрания Публичной библиотеки // Скифы. Славяне. Хазары. Древняя Русь. – СПб., 1998. – С. 72-74.
4. Хлевов А. А. О новой рунической надписи // Эпоха средневековья: Проблемы истории и культуры. – СПб., 1999. – С. 29-30.

5. Хлезов А. А., Безрогов В. Г. Англо-саксонская руническая надпись из собрания РНБ // ЯЛИК (Язык, Литература, История, Культура). – СПб., 1999. – №32 – С. 5-6.

6. Хлезов А. А., Безрогов В. Г. Англо-саксонская руническая надпись из собрания Публичной Библиотеки: опыт предварительного анализа // Вторые Скандинавские чтения. Сборник материалов. – СПб., 1999. – С. 363-370.

7. Moltke E. Runes and their origin, Denmark and elsewhere. – Copenhagen: Nationalmuseet Forlag, 1985.